

Художник и простой человек

Из воспоминаний об А.Ф. Писемском

Источник: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. П. Дорофеева (Серия литературных мемуаров).

OCR: Слава Неверов slavanva(\$)yandex.ru, февраль 2007.

I

Зиму 1849/50 года мне пришлось прожить в одном из губернских городов нашего Поволжья. Время было довольно неопределенное. Только что прогремела революция 1848 года в Париже, подымая за собой народные массы в большей части европейских столиц -- в Берлине, Вене, Неаполе и др. и неожиданно обнаруживая, как много существовало в них, под покровом обманчивой тишины и внешнего благочиния, недовольства порядками жизни и политических страстей. Ничего подобного у нас не встречалось. Наша тишина была неподдельная, испытанная. Начиная с богатейшего земельного собственника и через весь ряд именитого и заурядного чиновничества до последнего торгаша на улице, все в один голос гордились и радовались тому, что политические бури и ураганы никогда не досягают и никогда не достигнут, по всем вероятностям, наших пределов. Нашлись, однако же, мудрецы, которым было мало этого. Относя спокойствие государства и общества к действию одного крепостного права, которое они поэтому и возвели в непререкаемый догмат русской жизни, мудрецы еще думали, что к выражениям народного патриотического настроения должно относиться дружелюбно, но действовать так, как будто его вовсе и не оказывалось. Ведь нельзя же, говорили они, полагать, что волны европейских событий никогда не докатятся до нас и не подроют где-нибудь втихомолку основ, на которых построена наша жизнь. Правильно понятый патриотизм обязан искать таких опасных подземных течений и благодарить тех, которые их открывают.

Результаты теории известны. Кроме всего прочего, явились подозрительные отношения к науке, враждебное настроение против утопистов, идеалистов, ученых, расплывшихся без меры и без ведома правительства под сению университетов. Цензура печати наравне с цензурой нравов и убеждений отданы были на произвол всем "ведомствам" и всем частным лицам, которые обнаружили бы к ней охоту и способности [442].

Так продолжалось до конца Крымской кампании, когда возникло движение, возвестившее наступление нового общественного периода. В этот грозный промежуток времени замолкли и так называемые деятели сороковых годов. Почти все они состояли еще налицо и находились в цветущей поре сил; но у них отобраны были, впредь до дальнейших распоряжений, их научные основы и предложено заменить их покамест другими, поправленными согласно требованиям эпохи. Образовалась умственная пустота в общественной жизни, прерываемая обычным появлением журналов, со страниц которых несея какой-то смутный говор, ряд мнений и положений, словно переряженных или нарочно искалеченных для того, чтобы они не походили на дельные мнения и положения и не могли ввести читателей в искушение остановиться на них и посвятить им свое внимание.

В эту пору перерыва умственной жизни общества послышались голоса из органа М. П. Погодина и славянофилов, "Москвитянина", которые, при господствовавшем молчании, показали знаменем времени, как бы указывавшим на скорое появление новых сил и литературных задач. Вокруг журнала, и, кажется, без особенных стараний редактора, образовалась группа молодых писателей, имевшая своих критиков, этнографов, философов, беллетристов и драматургов, которую петербургские их собратья приняли спервоначала за отрождение славянофильства, благодаря тому, что группа выказывала если не враждебность, то полное равнодушие к предшествующей публицистической деятельности западного кружка и искала других основ для развития, чем он. Писатели, составлявшие группу, обратились за источниками художественных вдохновений и за устройством своего созерцания к верованиям и бытовым привычкам народных масс. Не мудрено, что эти новые народолюбцы подали повод к недоразумениям; дороги, ими открываемые, близко шли около тропинок, пробитых прежде того славянофилами. Смешать их с последними было очень легко по общности вопросов, затрагиваемых обоими; но существовала большая разница в их способах понимать народную культуру и относиться к ней. Члены нового кружка,